РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 34. 21-го Августа 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

Жертва войны.

Кругомъ гаолянъ, безпросвѣтная мгла,
Лишь звѣзды на небѣ мерцаютъ,
Что темная ночь въ небосклонѣ зажгла,
И звѣзды тѣ смотрятъ, мигаютъ...
Какъ жутко. И вотъ средь ночной тишины,
Среди безпредѣльной равнины,
Нарушивъ природы спокойные сны,
Вдругъ слышится топъ лошадиный.
Тамъ кто-то несется и скачетъ въ карьеръ
И слышно, какъ свищетъ нагайка,—
То мчится изъ главной квартиры курьеръ
Съ приказомъ: «скорѣй погоняй-ка!».
Онъ мчится. Но ловокъ лукавый нашъ врагъ
(Его заклеймимъ мы позоромъ):
Хунхузовъ послалъ опъ въ глубокій оврагъ
И тѣ тамъ засѣли дозоромъ.
Вотъ мчится курьеръ, но хунхузъ подстрѣлилъ
На смерть молодого героя,
Онъ юную жизнь на зарѣ погубилъ,
Бѣжавъ самъ позорно отъ боя.
Уснулъ богатырь средь манчжурскихъ степей,
Уснулъ онъ, свой долгъ исполняя,
Нашелъ его трупъ черезъ нѣсколько дней
Товарищъ; крестомъ осѣняя,
Склонился надъ павшимъ, съ любовью глядитъ
Въ закрытыя мертвыя очи,
И мнится, убитый какъ-будто-бы спитъ
Въ прохладѣ темнѣющей ночи.
А ночь, непроглядная, темная ночь
Спустила свое покрывало
И гонитъ счастливыя грезы всѣ прочь—
Для счастья пора не настала.
Но время придетъ и наступитъ разсвѣтъ
И брызнутъ лучи золотые,
На бранныхъ поляхъ будетъ крикнутъ привѣтъ,
Сердца въ немъ сольются простыя!

Ив. Епифановъ.

ЖЕРТВА ХУНХУЗОВЪ. Оригин. рисун. А. Шлиппера-сына.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцевз (Полилова).

(Продолженіе.)

МУЗЫКАНТЪ ушелъ.

— Видишь, Арси, онъ увѣренъ въ моемъ успѣхѣ, сейчасъ вотъ здѣсь говорилъ, что меня засыплютъ ангажементами. Я ему глубоко вѣрю, онъ самъ былъ артистомъ, только...

Князь вопросительно взглянулъ на нее и спросилъ:

— „Только“... продолжай, что „только“?

Кончетта громко засмѣялась и отвѣтила:

— Только, дружокъ, только нужно своевременно похлопотать и позаботиться о рекламѣ.

— Кто-же долженъ это сдѣлать?

— Разумѣется, не я сама! Выглядѣло-бы черезчуръ страннымъ, если-бы пѣвица сама стала хлопотать о рекламѣ. Для этого у всѣхъ есть свои близкіе люди; у моей подруги Эрминіи былъ одинъ банкиръ, который все подготовлялъ къ ея появленію на сценѣ, а для меня... ты устроишь все это...

Гостомыжскій съ нескрываемымъ изумленіемъ глядѣлъ на свою собесѣдницу.

— Что это ты такъ на меня уставился? Разумѣется, ты будешь настолько любезнымъ и милымъ, что похлопочешь, чтобы твою Кончетту приняли хорошенько. Впрочемъ, это еще не скоро.

— Что-же я долженъ буду дѣлать? — глухо прошепталъ князь.

— Вотъ новость, онъ не знаетъ, какъ дѣлается успѣхъ, какъ рекламируютъ! Очень просто, мой дружокъ: приглашаютъ къ себѣ или идутъ къ шефу клаки, даютъ ему билеты, платятъ нѣкоторую сумму и... и полуспѣха готово; затѣмъ столковываются съ газетами, съ рецензентами и прочее. Ай-ай-ай, какой ты еще маленькій ребенокъ! ты не знаешь, какъ нужно рекламировать!

— Я не въ силахъ, Кончетта, это устраивать, хлопочи сама.

На красивомъ лицѣ пѣвицы показалась гримаса.

— Какъ вамъ угодно, синьоръ принцъ, я не смѣю требовать отъ васъ подобное, вы, вѣдь, nobile*), вамъ неудобно заняться этимъ для любимой женщины! —и Кончетта недовольно отвернулась отъ Арсенія.

— Ты сердишься на меня за мой отказъ? Это странно! Я не хочу хлопотать только потому, что боюсь все перепортить, не такъ сдѣлать...—старался оправдать свой отказъ Гостомыжскій. — Полно, не сердись.

Но итальянка продолжала дуться, не отвѣчая ничего князю.

— Еще, вѣдь, не скоро придется приняться за это,—миролюбивымъ тономъ продолжалъ Арсеній, — успѣемъ перетолковать, а теперь не будемъ ссориться.

— Ты меня не любишь! — капризнымъ тономъ прошептала пѣвица,—и сердишься!

Вмѣсто отвѣта Арсеній бросился цѣловать дѣвушку. Въ эту минуту онъ согласился-бы не только хлопотать за нее, но даже самъ явиться на сцену, только для того, чтобы показать, какъ онъ ее любитъ.

Кончетта хорошо сознавала это, но, тѣмъ не менѣе, ей нравилось напоминать князю о его безвольности.

*) Знатный.

Со времени отъѣзда въ Россію Евдокіи Семеновны прошло двѣ недѣли. Письма отъ нея и отъ бабушки Арсеній получалъ ежедневно, и необходимость скрывать свои отношенія къ итальянкѣ невольно заставляла его отвѣчать на нихъ. Обыкновенно отвѣты князя были коротки, малопонятны и почти одинаковаго содержанія:

„Я здоровъ, дѣла задерживаютъ меня здѣсь и лишаютъ возможности вернуться домой; употребляю всѣ усилія, чтобы скорѣе освободиться“.

Противъ обыкновенія, чуткая ко всему Анфиса Матвѣевна вѣрила существованію дѣла, задерживавшаго ея внука за границею; она даже сообщала ему нѣкоторые совѣты, зная его малоопытность въ различныхъ дѣлахъ. Ей почему-то казалось, что самостоятельно затѣянное Арсеніемъ дѣло дастъ ему извѣстный навыкъ, выдержку, пріучитъ его дѣйствовать безъ поддержки другихъ. Разсказы Дуни объ отсутствіи у князя времени для пріѣздовъ къ семьѣ въ Остендэ, о его усталомъ, задумчивомъ видѣ почему-то казались старухѣ Ухиной благопріятными симптомами пробужденія во внукѣ такъ страстно желаемой ею самостоятельности. О возможности его новаго увлеченія она никогда не могла предположить, зная, насколько Арсеній любитъ Дуню и привязанъ къ семьѣ.

— Не скучай, Дунюшка,— утѣшала она молодую княгиню,—вернется нашъ Арсюша и посмотри, какимъ еще молодцомъ будетъ, всякое дѣло обмозговать сумѣетъ, не то что раньше кисляемъ сидѣлъ.

И старуха снова бодро принималась за свою сложную работу, въ которой ей немало помогала и Евдокія Семеновна.

Того-же мнѣнія былъ и отецъ молодой женщины. Утѣшаемая ими обоими, Дуня стала успокаиваться за мужа.

XXXVIII.

— Мадемуазель Кончетта,—какъ-то сказалъ профессоръ, замѣчая нетерпѣніе итальянки, — я думаю, что теперь вы можете попробовать выступить въ „Травіатѣ“, въ какомъ-нибудь небольшомъ театрѣ.

Пѣвица обрадовалась; но выступать на небольшой сценѣ не входило въ ея планы: она желала сразу завоевать общее вниманіе и имѣть шумный успѣхъ, и потому, кромѣ указанной бесѣды съ профессоромъ, она рѣшила серьезно переговорить объ этомъ дѣлѣ съ княземъ.

— Арси, ты долженъ вмѣстѣ со мною сходить въ дирекцію театра „Делла-Монэ“ и переговорить о моемъ дебютѣ, — твердо замѣтила она Гостомыжскому.

— Подумай, развѣ это возможно? ты, начинающая пѣвица, дебютантка, хочешь выступить на одной изъ первоклассныхъ сценъ?

— Я рѣшила такъ пѣть и это такъ будетъ,— спокойно проговорила итальянка,—ты долженъ мнѣ все устроить.

— Но это невозможно!

Кончетта сдѣлала неопредѣленный жестъ рукою.

— Съ деньгами все возможно! Неужели ты для меня пожалѣешь?

Дѣйствительно, развѣ онъ, Арсеній, былъ въ состояніи что-либо отказать ей? По ея слову онъ готовъ былъ идти на край свѣта, она была для него все, она завладѣла всѣмъ его существомъ.

Послушный ея желанію, Гостомыжскій отправился въ театръ.

Настоящій сезонъ открывался только въ октябрѣ; въ теченіе всего августа и сентября театръ оставался

закрытымъ, и всѣ заправилы его были на морскихъ купаньяхъ. Поэтому Гостомыжскій не добился ничего и вернулся къ Кончеттѣ съ неутѣшительными для нея свѣдѣніями; но, выслушавъ его, дѣвушка капризно проговорила:

— Что-же изъ этого, если ты меня любишь, ты съѣздишь къ нимъ и переговоришь.

И Арсеній, точно послушный рабъ своей властительницы, поѣхалъ.

Директоръ, стоявшій во главѣ администраціи, съ вѣжливой улыбкой выслушалъ предложеніе князя и отвѣтилъ ему:

— Къ сожалѣнію, теперь мы не можемъ ничего сказать, до начала сезона еще далеко, тогда увидимъ.

Недовольный, что ему не удалось исполнить желаніе Кончетты, Арсеній вызвалъ ее въ мѣсто пребыванія директора театра и сообщилъ ей о своихъ переговорахъ.

— Тогда я сама переговорю съ нимъ, разъ ты—такая баба!—ѣдко сказала она к я ю и отправилась къ директору театра.

Неожиданный визитъ красивой пѣвицы поразилъ директора, но онъ отвѣтилъ ей такъ-же неопредѣленно, какъ и князю.

— Тѣмъ не менѣе, я прошу васъ меня прослушать,—обратилась къ нему Кончетта.

Отказать въ подобной просьбѣ было неудобно, и, скрѣпя сердце, директору пришлось пригласить піаниста и въ большомъ салонѣ кургауза прослушать дебютантку.

Кончетта съ замѣчательнымъ бріо *) пропѣла первую арію Травіаты.

— Прекрасно,—замѣтилъ директоръ, въ то время какъ аккомпаніаторъ не спускалъ глазъ съ красавицы-пѣвицы,—спойте, пожалуйста, изъ послѣдняго акта—„Addio del passato“ **).

Ободренная подобной просьбою Кончетта съ еще большимъ выраженіемъ исполнила желаемую арію; ея небольшой голосокъ звучалъ замѣчательно красиво и серебристо въ пустомъ салонѣ.

— Вы хорошо исполняете, мадемуазель, но раньше наступленія сезона я ничего не могу вамъ сказать.

— А теперь?

Директоръ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Теперь театръ закрытъ...

— Но если его открыть?—перебила его пѣвица.

Улыбка скользнула по губамъ стараго артиста и онъ сказалъ:

— Это возможно, но для этого необходимо вамъ самой взять антрепризу на это свободное время, на нѣсколько спектаклей.

— Великолѣпно, я возьму!—живо согласилась Кончетта.

Директоръ снова улыбнулся и произнесъ:

— Да, это такъ, но вы не предполагаете, сколько это будетъ вамъ стоить... нѣсколько тысячъ франковъ.

Очередь улыбнуться пришла теперь для пѣвицы и она совершенно спокойно сказала:

— Отлично, это—пустяки, я беру.

Директоръ привскочилъ отъ изумленія, не вѣря тому, что услышалъ. Возможно-ли? Предъ нимъ начинающая пѣвица, имѣющая возможность держать антрепризу! Съ этой минуты онъ измѣнилъ свой покровительственный тонъ и уже согласно проговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ, необходимо подобрать составъ пѣвцовъ, небольшой оркестръ, хоръ. Не угодно-ли пройти ко мнѣ? мы переговоримъ тамъ подробно!—и онъ направился въ свою комнату.

— Ты видишь, какъ я все устроила!—замѣтила Кончетта, весело поглядывая на Арсенія, изумленнаго неожиданною перемѣною обстоятельствъ.

Директоръ оказался очень любезнымъ; онъ быстро собралъ свѣдѣнія о свободныхъ отъ ангажемента пѣвцахъ, сговорились о цѣнѣ за аренду театра. Нашелся небольшой оркестръ. Хоръ при театрѣ „Делла-Монэ“ постоянный и собрать его не представляло затрудненій.

— Я надѣюсь, мадемуазель, что васъ не затруднитъ небольшая денежная сумма, которая мнѣ сейчасъ необходима?—вкрадчиво замѣтилъ директоръ, когда переговоры были окончены.

Небольшое сомнѣніе нее еще его не покидало.

— Трехъ тысячъ вамъ довольно? — спросила его итальянка.

При назначеніи такой суммы всѣ сомнѣнія стараго директора разсѣялись, какъ дымъ, и онъ живо произнесъ:

— О, это будетъ даже слишкомъ много! — но, тѣмъ не менѣе, взялъ деньги отъ Кончетты, а затѣмъ, вручая ей расписку, любезно проговорилъ: — теперь вамъ только остается возвратиться въ Брюссель и приступить къ репетиціямъ.

Начались нескончаемыя хлопоты по устройству этихъ оперныхъ спектаклей. Они всецѣло легли на Арсенія: ему приходилось и уговариваться о цѣнѣ съ артистами, хоромъ и оркестромъ, онъ былъ цѣлый день занятъ и только довольно поздно вечеромъ возвращался къ Кончеттѣ.

Пѣвица, нервно настроенная все это время, съ нетерпѣніемъ ожидала его прихода и, когда усталый князь входилъ въ ея комнату, она засыпала его вопросами и новыми порученіями. Такъ, напримѣръ, незадолго до спектакля она заявила ему:

— Ты забылъ зайти въ редакцію „Etoile“ *)? но развѣ это возможно? непремѣнно зайди туда завтра, переговори съ рецензентомъ. Да, да, совсѣмъ забыла, безъ тебя приходилъ шефъ клаки **) Бержье, я просила его переговорить съ тобою, сама я не умѣю съ нимъ, какъ нужно, объясниться, ему нужно заплатить. Ты понялъ? я знаю, что ты все сумѣешь сдѣлать.

И итальянка порывисто бросилась на шею князя.

Подобныя сцены происходили каждый день, пока шли репетиціи. Деньги, высылаемыя бабушкою, таяли, какъ вода, ихъ рвали у Гостомыжскаго со всѣхъ сторонъ.

XXXIX.

— Повѣрьте моей десятилѣтней практикѣ, князь,—говорилъ на другой день Арсенію Бержье, высокій, худой, какъ спичка, мужчина,—мадемуазель не надо безпокоиться. Послѣ ея выхода—довольно сдержанное изумленіе ея красотѣ, вотъ такъ,—и Бержье показалъ.—Затѣмъ „Бриндизи“ будетъ сопровождаться легкими, частичными аплодисментами; послѣ „Sempre vivere“ они усилятся, будутъ слышны „браво“

*) Т. е., жаромъ, оживленіемъ, блескомъ.

**) Прощай прошедшее.

*) Газета «Звѣзда».

**) Клака—собраніе людей, которые занимаются за деньги для созданія успѣха артисту съ помощью своихъ аплодисментовъ, или неуспѣха—съ помощью шиканья, освистыванія и пр. Клакерство сильно развито въ Западной Европѣ. Тамъ для него существуютъ особые агенты, которые за извѣстную сумму продоставляютъ нужное количество людей. Такіе агенты, поставляющіе клакеровъ, называются ихъ шефами, т. е., начальниками. Кромѣ денегъ, артистъ обязанъ дать еще билеты на мѣста въ театрѣ для клакеровъ. Клака страшно развита и безъ нея на Западѣ обходится рѣдкій артистъ, въ особенности изъ начинающихъ.

и нѣсколько робкихъ „бисъ“. Для перваго акта это вполнѣ достаточно, сама Патти едва-ли пожелала-бы большаго! Не забывайте: мы, бельгійцы,—сдержанный народъ. Во второмъ актѣ успѣхъ будетъ разогрѣтъ еще больше послѣ дуэта, ну, а въ третьемъ (это—cloux *) оперы), здѣсь мы уже постараемся... сцена съ кошелькомъ должна имѣть большой успѣхъ. Четвертый—уже отголосокъ успѣха, завершеніе его. О, я увѣренъ, мадемуазель будетъ имѣть успѣхъ! съ такимъ лицомъ провалъ невозможенъ, даже въ томъ случаѣ, если-бы у нѣвицы голосъ почти отсутствовалъ.

Получивъ отъ князя довольно крупный задатокъ, шефъ клаки съ поклономъ удалился.

Не мало денегъ пришлось раздать Арсенію также рецензентамъ нѣкоторыхъ газетъ; всѣ поняли, что что ея отказъ баритону въ деньгахъ дастъ ему возможность испортить ей этотъ дуэтъ, и потому тотчасъ-же отвѣтила:

— Хорошо, вы получите сегодня эту сумму.

Вечеромъ она взяла у князя пятьсотъ франковъ и передала ихъ нѣвцу.

Въ свободное отъ репетицій время ея комната представляла изъ себя примѣрочную портнихи. Она была вся загромождена роскошными платьями и прочими принадлежностями дамскаго туалета, лежавшими по всѣмъ стульямъ. Двѣ портнихи возились, примѣряя на стоявшей среди комнаты Кончеттѣ поочередно костюмы, зашпиливали, передѣлывали.

— Осторожнѣе, Арси,—крикнула Гостомыжскому нѣвица, когда онъ вошелъ однажды въ этотъ неурочный часъ въ ея комнату,—не сомни моей юбки изъ

СОНЪ. Скульптура Г. Дамманна.

дойною коровою является въ этомъ случаѣ русскій богатый баринъ—отчего-же не воспользоваться счастливымъ случаемъ?

— Мнѣ крайне необходимо сейчасъ пятьсотъ франковъ, синьорина Кончетта,—обратился къ ней приглашенный баритонъ Санрюперъ, уже забравшій не мало денегъ впередъ,—не можете-ли вы мнѣ ихъ одолжить?

Кончетта разсѣянно молчала.

Баритонъ перемѣнилъ тактику.

— Какъ будетъ жалко, если дуэтъ второго акта не удастся!—спустя нѣсколько времени, замѣтилъ онъ нѣвицѣ, многозначительно оттѣняя фразу.

Итальянка первно повела плечами: она поняла

*) Гвоздь, важнѣйшая часть.

третьяго акта. Ахъ, какой ты неловкій! ты прямо сѣлъ на корсажъ изъ перваго дѣйствія.

Князь съ недоумѣніемъ всталъ съ кресла и осмотрѣлся; на спинкѣ послѣдняго висѣлъ роскошный розовый лифъ, весь отдѣланный серебромъ.

— Какой ты неуклюжій! совсѣмъ русскій медвѣдь!—засмѣялась дѣвушка и, подбѣжавъ къ креслу, стряхнула измятый корсажъ.—Да, кстати, вотъ тебѣ счетъ отъ мадамъ.

Арсеній взялъ отъ нея длинный реестръ заказанныхъ костюмовъ и машинально взглянулъ на итогъ. Тысячныя цифры мелькнули предъ его глазами.

— Ты изумленъ?—снова весело заговорила нѣвица,—не правда-ли, дорого? Не плати, Арси, всего, нужно скинуть!—и, оставивъ мастерицъ, она подошла къ князю.—Вотъ здѣсь приписано лишнихъ пятьде-

сятъ франковъ, за это платье не слѣдуетъ платить болѣе четырехсотъ франковъ, а поставлено четыреста пятьдесятъ...

Мелочность итальянской натуры Кончетты сказывалась въ каждыхъ пустякахъ.

Репетиціи окончились, былъ назначенъ день спектакля.

Денегъ у Гостомыжскаго осталось очень немного, онъ могъ только расплатиться съ нѣкоторыми расходами, но, чтобы прожпвать далѣе и платить за остальное, необходимо было пополнпть кассу и съ этой цѣлью онъ телеграфировалъ бабушкѣ, прося ее выслать крупную сумму для дѣла. Отказа отъ старухи Ухпной онъ не предвидѣлъ и съ легкимъ сердцемъ продолжалъ расходовать оставшіяся у него деньги.

Громадныя афиши еще за нѣсколько дней до спектакля были расклеены по городу. Ловкій Бержье очень умѣло составилъ ихъ, а вмѣстѣ съ этимъ и незамѣтная, но вѣрная реклама газетъ отлично приманивала публику.

Перемѣнивъ подмостки кафе-шантана на оперныя, Кончетта перемѣнила и свою театральную фамилію. Въ афишахъ она была названа Нобилини, пѣвицею изъ театра „Реджіо“ въ Лиссабонѣ. Провѣрять справедливость этого никто не сталъ-бы, а, называя себя уже опытною пѣвицею, Кончетта могла надѣяться на привлеченіе большого числа публики.

Ожиданія ея сбылись. Довольно продолжительное отсутствіе оперы въ Брюсселѣ невольно заставило мѣстныхъ любителей музыки почти наполнить театръ.

Старинное зданіе театра „Делла-Моннэ“ ожило. Въ пустовавшемъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ театральномъ залѣ снова раздались звуки настраиваемыхъ инструментовъ, кресла запестрѣли красивыми костюмами дамъ, у барьера оркестра вытянулся черный рядъ фраковъ.

Спектакли въ Бельгіи начинаются рано, и потому уже въ семь съ половиною часовъ вечера пунктуальный капельмейстеръ постучалъ своею палочкою о пультъ и прелюдія началась. Въ залѣ сразу воцарилось молчаніе. Никто изъ стоя шихъ на афишѣ пѣвцовъ не былъ знакомъ брюссельцамъ и они съ нетерпѣніемъ ожидали появленія Нобилини, о голосѣ и красотѣ которой было много разговоровъ.

Занавѣсъ і звился.

Молодой теноръ Санхецъ, красивый испанецъ, на минуту приковалъ на себя вниманіе дамъ, такъ что всѣ бинокли устремились на него; но вскорѣ лег-

ШВЕЙКА. Фотоэтюдъ **А. Энке**.

кой, беззаботной птичкой выпорхнула на сцену Кончетта и оживленно запѣла. Великолѣпный розовый туалетъ, отлично къ ней шедшій, выдѣлялъ ея красивую головку и стройную фигуру. Это, дѣйствительно, была легкомысленная Віолетта, ни о чемъ больше не думающая, кромѣ веселья и любви.

Въ залѣ пробѣжалъ легкій шепотъ изумленія. Публика была поражена красотою итальянки и для созданія перваго благопріятнаго впечатлѣнія не понадобилось даже услугъ Бержье.

Первый актъ прошелъ недурно, небольшая неувѣренность пѣвицы въ ея партіи была приписана ея смущенію при дебютѣ. Нѣкоторые изъ обычныхъ посѣтителей „Скала“ узнали Кончетту и разговарпвали между собою о ея успѣхахъ въ пѣніи.

(Продолженіе будетъ.)

На жизненномъ пути.

Все потонуло во мракѣ ночномъ.
Жизнь отдыхаетъ отъ долгаго дня.
Тишь и безлюдье кругомъ.
Только пугаютъ меня.
Грустно—задумчивъ одинъ я иду.
Призраки тучей встаютъ предо мной...
Утра, движенья я жду:
Скоро-ль разсвѣтъ золотой?

Юность съ годами померкла моя,
Тѣни ложатся все шире кругомъ,
Послѣ дорогъ — колея
Жизни въ затишьѣ нѣмомъ.
Мнѣ уже нечего ждать отъ судьбы...
Въ долгія ночи, въ сіяніи дня
Жду я послѣдней борьбы:
Скоро-ль не станетъ меня?..

П. Голубцовъ.

НА МАНЕВРАХЪ.

Этюдъ Петра Агрипинина.

ДОРОГА убійственная. Почти весь путь приходится совершать по открытой мѣстности. Кругомъ на много верстъ ни одного значительнаго холмика, ни одного деревца, гдѣ-бы можно было найти тѣнь. Только возлѣ деревень попадаются чахлыя, сѣрыя отъ пыли березы, но и то не всегда удается воспользоваться ихъ тѣнью, такъ какъ мы идемъ ускоренно и привалы дѣлаются, точно по уставу, черезъ каждыя пятьдесятъ минутъ, почему деревни часто не совпадаютъ съ мѣстами остановокъ.

Идти невыносимо тяжело. Усталыя ноги вязнутъ въ нагрѣвшемся отъ жаркаго іюльскаго солнца пескѣ, взбиваютъ цѣлую тучу мелкой ѣдкой пыли, которая засыпаетъ глаза, садится на платье, на лицо, забирается въ ротъ и жжетъ, и царапаетъ въ горлѣ немилосердно.

Надъ полкомъ стоитъ густое сѣрое облако; виднѣются только ближайшіе ряды, голова-же и хвостъ колонны неуловимо потонули въ пыли и слились въ какую-то неопредѣленную пепельно-сѣрую массу.

Идемъ мы ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, какимъ обыкновенно ходятъ втянувшіеся и привычные въ ходьбѣ люди. Не слышно ни пѣсенъ, ни разговоровъ. Изрѣдка гдѣ-нибудь сорвется случайная острота неутомимаго ротнаго весельчака, за нею слѣдуетъ короткій, скорѣе привычный, чѣмъ искренній смѣхъ и тотчасъ-же снова затихаетъ все, наступаетъ общее молчаніе, только слышатся глухіе, наводящіе унынie шаги да брянчаніе притороченныхъ къ скаткамъ алюминіевыхъ котелковъ.

Душно и жарко. Кажется, точно весь міръ застылъ въ тяжелой полуденной дремѣ.

Молчимъ мы; молчитъ усталый вѣтеръ; горячій воздухъ безпомощно повисъ и уснулъ; и даже вѣчно скитающееся солнце зачѣмъ-то остановилось и безсмысленно жжетъ насъ острымъ, сжигающимъ мозгъ огнемъ. Мысли свернулись, куда-то попрятались и умерли.

Воспаленные глаза безотчетно тупо, не выбирая дороги, глядятъ внизъ. Ноги переставляются сами, точно скрытый внутри механизмъ независимо отъ нашей воли приводитъ ихъ въ непрерывное, равномѣрное движеніе.

Идемъ безъ «дневокъ» четвертый день.

Командиръ полка, боясь появленія отсталыхъ, предъ каждымъ привaломъ сворачиваетъ съ дороги, останавливается и пропускаетъ мимо себя весь полкъ.

— Ну, ну, ребята, подтянись, подтянись! — обращается овъ къ солдатамъ,—подтянись, сейчасъ привалъ...

И растянувшіеся солдатики мгновенно пріободряются, поправляютъ заваленныя за плечи ружьи, выравниваются въ рядахъ и, придерживая правой рукой тяжелый вещевой мѣшокъ, бѣглымъ шагомъ догоняютъ передовыхъ.

— Сто-ой!—раздается, наконецъ, сзади голосъ командира, когда послѣдніе ряды колонны поравняются съ нимъ.

— Сто-й!.. Стой!—повторяютъ команду остальные начальники.

И въ одно мгновеніе ружья составлены въ козлы, а весь полкъ разсыпается на землѣ. Некогда мѣшкать. Нужно успѣть отдохнуть и запастись новыми силами. Многіе засыпаютъ.

Но впереди еще остается большая часть дороги. Командиръ не выпускаетъ изъ рукъ своего хронометра и не даетъ ни одной лишней секунды сверхъ положенныхъ по уставу десяти минутъ.

— Время катится съ головокружительной быстротой. Безжалостный Хронось точно умышленно скорѣе обычнаго тянетъ свою нескончаемую ленту. Не успѣли присѣсть, какъ уже раздается команда: «въ ружьё». Быстро соскакиваютъ сонные солдатики, торопливо надѣваютъ скатки, разбираютъ винтовки, и вотъ мы снова вяло и механически полземъ дальше.

Намъ, офицерамъ, значительно легче: нѣтъ ни громоздкаго, набитаго вещами мѣшка, ни хомутообразной затрудняющей дыханіе скатки, ни тяжелаго ружья, отъ котораго нѣмѣетъ плечо и застываетъ рука. Идемъ въ одномъ тонкомъ походномъ кителѣ и не въ строю, гдѣ воздухъ насыщенъ удушливыми испареніями потныхъ тѣлъ, а отдѣльно, сбоку роты.

Со мной рядомъ идетъ мой ротный командиръ, капитанъ Бучковъ. Боясь лошадей, онъ отказался отъ привилегіи ротныхъ командировъ быть верхомъ и весь походъ совершаетъ пѣшкомъ.

— Своя пара, знаете, вѣрнѣе, — говоритъ онъ мнѣ, — еще, чертъ возьми, шею сломишь! Нѣтъ, благодарю покорно, я ужъ лучше на своихъ на двоихъ, вывезутъ.

Обыкновенно Андрей Ивановичъ говоритъ со мною о театрѣ, до котораго онъ — страстный охотникъ, но сегодня не въ духѣ, цѣлый день ворчитъ и только и дѣлаетъ, что разсматриваетъ карту да высчитываетъ, сколько еще верстъ осталось до большого привала.

— Безобразіе, утромъ даже чая не успѣлъ напиться, — сердится Бучковъ,—подняли ни свѣтъ, ни заря и никто не знаетъ, зачѣмъ идемъ, хоть-бы, чертъ возьми, поскорѣе большой привалъ, глотокъ чая пропустить!..

Но я хорошо знаю, что онъ скучаетъ не о чаѣ, а о томъ «прилагательномъ», слѣды котораго виднѣются на его толстомъ носу даже теперь, подъ густымъ слоемъ сѣрой пыли.

Среди офицеровъ также почти не слышно разговоровъ. Еще не успѣли хорошенько оправиться отъ вчерашняго большого перехода, какъ сегодня необыкновенно рано подняли съ бивака и двинули дальше, хотя предполагалась дневка. Утомились всѣ. Не хочется ни говорить, ни думать. Тѣло распарилось и отяжелѣло. Мы съ Андреемъ Ивановичемъ идемъ подъ руку и, чтобы дать отдыхъ разъѣденнымъ жаркою пылью глазамъ, попеременно закрываемъ ихъ.

— Ты, пожалуйста, внимательнѣе смотри подъ ноги,—проситъ Бучковъ, котораго я беру подъ руку, такъ какъ сейчасъ наступаетъ его очередь закрывать глаза,—поосторожнѣе, а то еще, чего добраго, и упаду, тутъ не трудно и ногу сломать.

Нѣсколько минутъ я, дѣйствительно, напрягаю свое вниманіе, потомъ также смыкаю вѣки и мы оба идемъ съ закрытыми глазами, пока что-нибудь не подвернется одному изъ насъ подъ ноги. Тогда Андрей Ивановичъ быстро вырываетъ свою руку и начинаетъ немилосердно браниться, что заставляетъ всѣхъ офицеровъ развеселиться и пошутить на нашъ счетъ.

Но нотъ передняя рота свернула съ дороги—признакъ скораго привала.

Мы слѣдуемъ за нею, проходимъ мимо командира, который уже слѣзъ съ лошади и довольно расправляетъ отекшія ноги, выстраиваемъ резервную колонну, а черезъ нѣсколько секундъ уже сидимъ на землѣ, и кажется, будто никакая сила не сможетъ поднять насъ теперь съ мѣста и двинуть дальше.

II.

Большой привалъ пришелся у моря.

На высокомъ, обрывистомъ берегу раскинулся весь полкъ. Но, кромѣ составленныхъ въ козлы ружей, очередныхъ дневальныхъ и полусонныхъ часового у знамени, наверху не видно никого. Походныя кухни почему-то еще не пришли и люди, въ ожиданіи обѣда, спустились по извилистымъ тропинкамъ обрыва къ морю.

Природа попрежнему спокойно дремлетъ. Море точно превратилось въ густую стекловидную массу и неуловимо слилось съ прозрачнымъ голубымъ небомъ. Ни одна волна не тревожитъ его блестящей, серебристой поверхности. Сплошное сочное голубое пятно. Только гдѣ-то далеко-далеко тянется безпокойная буран полоска дыма да вправо отъ насъ, словно одинокая, тоскливая чайка, бѣлѣетъ неподвижный парусъ. Тихо. Море спитъ. И все-же вѣетъ чѣмъ-то бодрящимъ, здоровымъ. Голубыя воды такъ и манятъ въ свою прохладу. Дышится свободно и легко.

Куда вдругъ дѣлась усталость? Куда убѣжала томительная дрема, что всю дорогу связывала движенія, туманила мозгъ?

Мы разомъ ожили и ободрились. Весь берегъ усыпался голыми тѣлами. Слышится веселый говоръ, плескъ воды, просторный, раскатистый смѣхъ. Тяжелый переходъ забытъ. Прохлада моря разбудила молодую жизнь. Хочется рѣзвиться и шалить. Вотъ нѣсколько человѣкъ съ гикомъ и хохотомъ преслѣдуютъ высокаго бѣлокураго солдатика. Не вѣрится, что это—тѣ самые люди, которые такъ понуро и устало подходили къ привалу. Легкія, свободныя движенія, веселыя, возбужденныя лица исключаютъ всякую мысль объ ихъ утомленности.

— Держи, держи его!—громко раздаются по берегу ихъ сильные, задорные голоса.—Держи-и!..

Но бѣлокурый солдатикъ не поддается. Точно быстрый заяцъ, вытянувъ впередъ гладкоостриженную голову, онъ со всѣхъ ногъ улепетываетъ отъ пристающихъ товарищей.

— Воды боится, а его окунуть хотятъ,—поясняетъ мнѣ молодой фельдфебель, и по глазамъ видно, что если-бы не его начальническій санъ, онъ тоже не преминулъ-бы поднырнуть надъ бѣлокурымъ «землякомъ».

Нѣсколько поодаль расположились офицеры. Тутъ уже нѣтъ ни той бодрости, ни того непринужденнаго веселья. Пожилые поспѣшили разстегнуться и прилечь; нѣкоторые предпочитаютъ «освободить грузъ» повозки офицерскаго собранія и только немногіе изъ молодежи, или, какъ у насъ называютъ ихъ, «пижоны», точно утята, игриво полощутся въ свѣжей морской водѣ.

Въ сторонѣ, подъ большой раскидистой ветлой, которая какимъ-то чудомъ врасла въ крутой, почти отвѣсный, берегъ сидитъ командиръ полка. Его сухое, сѣрое лицо полно тяжелой усталости. Густыя брови утомленно нависаютъ и давятъ на глаза, но командиръ умышленно бодрится и старается всячески замаскировать слѣды томительнаго перехода. Вокругъ командира обычная его свита: мой батальонный, толстенькій, низенькій подполковникъ Понасовичъ съ отвислыми, какъ у моржа, мѣшками подъ выцвѣтшими, когда-то голубыми, глазами, два ротныхъ командира, одинъ сухопарый, точно премированная борзая, капитанъ Подлизенскій, другой плотный, коренастый хохолъ, Лисенко, и три младшихъ офицера.

Вся эта свита, столь различная по чинамъ и нѣшнему виду, имѣетъ одно общее для нихъ всѣхъ сходство, выражающееся въ томъ, что въ любой моментъ у нихъ находятся неотложныя дѣла къ командиру полка, и стоитъ только послѣднему показаться изъ палатки или сдѣлать на походѣ привалъ, какъ «свита» мгновенно окружаетъ его.

Говоритъ всегда сухопарый капитанъ. Онъ, точно запѣвало, ведетъ главную партію, остальные-же какъ-будто составляютъ хоръ и акком анируютъ его глухому смѣху да нарѣдка кое-кто подаетъ реплику.

На этотъ разъ капитанъ разсказывалъ какой-то эпизодъ изъ прошлыхъ маневровъ, гдѣ, благодаря его распорядительности, весь полкъ получилъ благодарность.

Командиръ слушаетъ разсѣянно. Видимо, разсказъ совсѣмъ не интересуетъ его. Сонные глаза пристально уставились въ спокойное, молчаливое море и, кажется, не замѣчаютъ разсказчика. Но словоохотливый капитанъ не падаетъ духомъ и продолжаетъ невозмутимо говорить.

— Однако, это непріятно, что кухни запоздали,—обрываетъ, наконецъ, командиръ разсказъ Подлизенскаго,—я ихъ направилъ ближайшей дорогой, былъ увѣренъ, что онѣ прибудутъ на привалъ раньше насъ, а вотъ теперь извольте, люди останутся безъ обѣда.

— Должно быть, что-нибудь случилось,—замѣчаетъ подполковникъ Понасовичъ,—тамъ есть крутой подъемъ, и повозки могли застрять.

— Весьма возможно,—вставляетъ, въ свою очередь, капитанъ Подлизенскій, котораго нисколько не обижаетъ невнимательность командира.—Я помню на маневрахъ въ 97 году...

Но командиръ опять не дослушалъ и, взглянувъ на часы, обратился къ молоденькому подпоручику Смирнову, который сидѣлъ противъ него и подчищалъ карандашикомъ аксельбантовъ свои ровные, холеные ногти.

— Прикажите играть сборъ, пора двигаться дальше, ждать нельзя, а то опоздаемъ. Къ 6 часамъ мы непремѣнно должны быть въ Приморьѣ, тамъ корпусный командиръ.

— А зачѣмъ мы идемъ въ Приморье, господинъ полковникъ?—спросилъ капитанъ Лисенко.

— Не знаю, право, въ приказаніи только сказано: «дневку отмѣнить и двигаться въ Приморье, куда прибыть не позже 6 часовъ».

Въ это время штабъ-горнистъ протрубилъ «строить колонну» и для большой скорости далъ сигналъ «ти», что означало бѣгомъ.

Неохотно разстаемся мы съ прохладою голубыхъ волнъ, съ красивымъ, уютнымъ берегомъ. Всѣ по опыту знаютъ, что вторая половина пути покажется еще тяжелѣе, еще утомительнѣе. Опять тоскливое шаганье, нестерпимая жара, удушливая пыль и вообще всѣ прелести длиннаго перехода въ жаркій іюльскій день. Кажется, всю вѣчность пролежалъ-бы здѣсь, ловилъ-бы этотъ загадочный шепотъ бѣлыхъ раковинъ, любовался-бы тихимъ, безмятежнымъ моремъ и безъ конца вдыхалъ-бы его бодрящую свѣжесть.

Но гулкій рожокъ настойчиво твердитъ свои напоминанія. Мы собираемся наверху, становимся въ ряды и, по командѣ «справа по отдѣленіямъ», полземъ дальше, въ Приморье.

III.

Первыя нѣсколько верстъ проходятъ незамѣтно. Запасъ энергіи, захваченный въ морской прохладѣ, теребитъ балагуровъ. Слышатся ихъ веселыя шуточки, прибаутки и почти не смолкаетъ, хотя негромкій, но оживленный смѣхъ.

Нашъ ротный запѣвало даже попробовалъ было затянуть пѣсню, но Андрей Ивановичъ, сдѣлавъ испуганное лицо, тотчасъ-же оборвалъ его:

— Не знаешь, что-ли, что на походѣ воспрещается пѣть?

— Такъ то на войнѣ,—пробую возразить я,—въ уставѣ сказано: «ввиду возможной близости непріятеля», а какой-жо здѣсь непріятель?

— Все равно, плохо, братъ, уставъ читалъ, молодъ, зеленъ, понимаешь?—стыдитъ меня Андрей Ивановичъ.

Я больше не возражаю.

Мало-по-малу однообразное шаганіе снова убаюкиваетъ мысль. Ноги быстро и замѣтно тяжелѣютъ. Точно съ каждымъ шагомъ чья-то невидимая рука подвязываетъ къ нашимъ подошвамъ новый грузъ. Жара все еще не собирается спадать, а взбитая пыль попрежнему забирается во всѣ поры.

Андрей Ивановичъ утомился довольно скоро. Теперь онъ почти не выпускаетъ изъ рукъ карты и сердито огрызается на шутки присоединившагося къ намъ поручика Митюрина, который тѣмъ охотнѣе пристаетъ къ Бучкову, чѣмъ больше кипятится тотъ.

— Андрей Иванычъ, а, Андрей Иванычъ,—пристаетъ Миля (такъ зовутъ въ полку Митюрина),—скажи, когда часовой бываетъ цвѣткомъ?

— Отстань, пожайлуста,—сердится Бучковъ.

— Нѣтъ, ты скажи. Что, не знаешь? ха-ха-ха, не знаешь... эхъ, ты, Матрена! Когда онъ «не за будкой».

Андрей Ивановичъ старается незамѣтно спрятать улыбку въ свои запыленные густые усы, затѣмъ морщитъ брови и дѣлаетъ недовольное лицо. Миля не унимается.

— Что, Андрей Ивановичъ, правда-ли, говорятъ, будто у тебя носъ красный оттого, что ты много читаешь по вечерамъ и онъ загорѣлъ отъ лампы?

Бучковъ не отвѣчаетъ и пристальнѣе впивается въ карту.

А Миля, не ожидая отвѣта, театрально закидываетъ голову и, указывая на Андрея Ивановича, декламируетъ:

«О, дивный носъ! О, чудный носъ!
Чукотскій носъ ты переросъ!
И алъ ты носъ, какъ сводъ небесъ,
Алъ, какъ вечерняя заря!..

Съ послѣдней строкой Миля закатывается мелкимъ звонкимъ хохотомъ, а разсердившійся не на шутку Андрей Ивановичъ буркаетъ по его адресу: «глупо», и демонстративно переходитъ на другую сторону дороги.

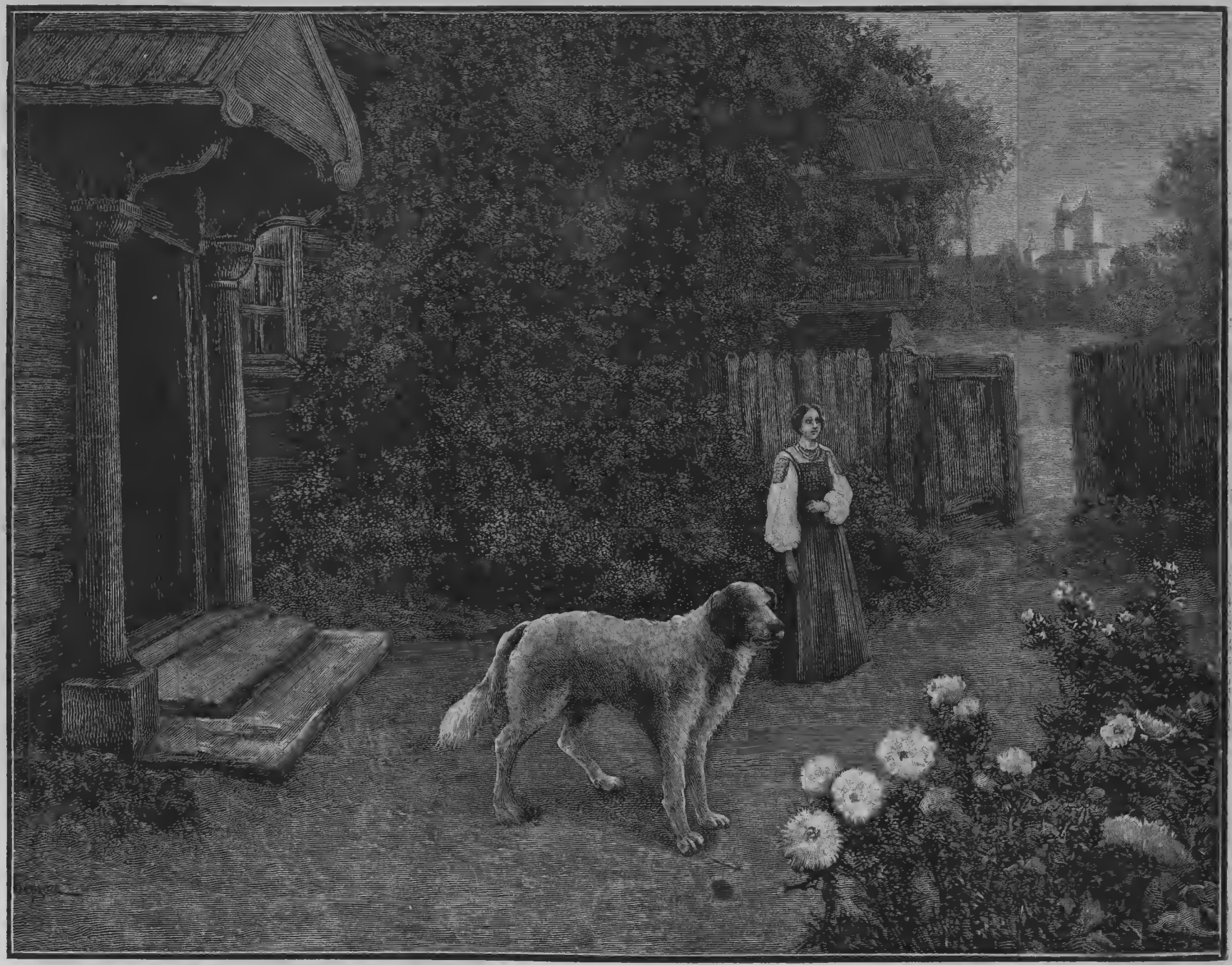
Отшагали десять верстъ, еще остается семь, а усталость такъ сильно даетъ чувствовать себя, что хвостъ колонны сталъ значительно растягиваться. Ѣхавшая сзади лазаретная фура биткомъ наполнилась ослабѣвшими. Было даже два случая легкаго солнечнаго удара.

Командиръ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы облегчить переходъ. Разомкнули ряды, увеличили дистанціи, но ничто не помогаетъ.

Солнце гнететъ. Сухой, накалившійся воздухъ сковываетъ члены и будитъ ненасытную жажду. Рѣжетъ глаза. Языкъ почерствѣлъ, сдѣлался твердымъ и шершавымъ. Слюна не проходитъ въ горло. Мучительно хочется пить, пить и пить. Кажется, будь здѣсь поблизости грязная, заплѣсневѣлая лужа, ничто не сдержало-бы насъ, такъ и бросились-бы къ ней и пили-бы, пили-бы безъ конца! «Пить, пить!» — проситъ сухой ротъ. «Пить, пить!»—жадно выстукиваетъ мозгъ. Пить!.. Воды!.. Но кругомъ только сыпучій желтый песокъ да выгорѣвшая отъ солнца бурая трава. Воды нѣтъ нигдѣ. Баклаги опустѣли еще до большого привала. Въ одной лазаретной бочкѣ осталось немного воды, ее берегутъ на всякій случай, для больныхъ.

Полземъ мы медленно и тяжело. Даже самые добродушные сдѣлались грубыми и раздражительными. Миля давно оставилъ въ покоѣ Бучкова. Насупивъ брови и сдвинувъ на затылокъ фуражку, онъ молча шагаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Теперь не до разговоровъ, не до приставаній. Одно жгучее желаніе сроднило всѣхъ. Точно огромная общая рана, оно причиняетъ всѣмъ намъ нестерпимое страданіе. Пить, пить, пить!..

Глаза нетерпѣливо вглядываются впередъ. Верстовой столбъ встрѣчаютъ словно родное, близкое существо.



ВЕЧЕРЪ. Съ картины **М. А. Беркоса** гравир. для „Родины“ **Б. Нуцъ.**

ВЪ ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ. Съ картины **В. И. Зарубина** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

— Двѣ версты осталось,- громко произноситъ Миля и въ его голосѣ слышатся такія радостныя и нѣжныя нотки, точно онъ называетъ имя невѣсты.

На послѣдней верстѣ мы нѣсколько оживляемся.

Командиръ уже второй разъ останавливается и пропускаетъ мимо полкъ. Его лошадь безпокоится, настораживаетъ уши и нетерпѣливо ржетъ.

Сейчасъ за поворотомъ откроется Приморье.

IV.

Походная жизнь пріучаетъ цѣнить досугъ. Привыкаешь расчетливо пользоваться каждою минутой, быстро устраивать свои личныя дѣла и дорожить всѣмъ тѣмъ, къ чему въ домашней обстановкѣ относишься съ пресыщеннымъ равнодушіемъ. Боязнь опоздать заставляетъ самыхъ медлительныхъ быть торопливыми. И весь несложный обиходъ умышленно упрощается до минимума.

Не прошло и полчаса по прибытіи полка въ Приморье, а ужъ палатка наша разставлена, вещи вынуты изъ походнаго чемодана-кровати, наросшая въ дорогѣ толща пыли удалена и въ чистыхъ, свѣжихъ кителяхъ мы возсѣдаемъ въ «собранскомъ шатрѣ» и съ жадностью проголодавшихся людей торопливо уплетаемъ незамысловатый обѣдъ. Разговоровъ почти не слышно. Изрѣдка срываются короткія фразы, но ихъ тотчасъ-же заглушаетъ старательный звонъ ложекъ и посуды. Разговоры потомъ, а теперь поскорѣе ѣсть, ѣсть и ѣсть. Не бѣда, что супъ попахиваетъ дымомъ, а мясо едва поддается усиліямъ жадныхъ зубовъ,—все хорошо, не время критиковать и отказываться. Всѣмъ хочется ѣсть. Даже «командирская свита» молчитъ и нетерпѣливо постукиваетъ ложками.

Вдругъ раздался звонъ шпоръ, приподнялась парусина, замѣнявшая дверь, и въ палатку вошелъ полковой адъютантъ. Мы всѣ съ любопытствомъ вглядываемся въ его высокую, красивую фигуру. Онъ ѣздилъ въ штабъ корпуса за приказаніями.

— Что новенькаго?—спрашиваетъ командиръ полка.

— Завтра дневка, господинъ полковникъ, а сегодня вечеромъ общая заря съ церемоніей...

— Заря?

— Такъ точно. Приказано къ 8½ часамъ выслать къ квартирѣ корпуснаго командира оркестръ и пѣсенниковъ.

— По какому случаю?

— Не могу знать, собрана вся наша дивизія. Господамъ офицерамъ также приказано прибыть, форма одежды—китель.

— Вотъ такъ фунтъ,—сердито ворчитъ Андрей Ивановичъ, съ которымъ мы сидимъ рядомъ,—шли, шли цѣлый день, устали, какъ собаки, а тутъ заря съ церемоніей! Нашли время всякія тамъ церемоніи устраивать!..

Обѣдъ прервался. Аппетитъ испорченъ, да и некогда, нужно пойти, приготовиться. Командиръ встаетъ первымъ, за нимъ подымаются офицеры и съ недовольнымъ видомъ покидаютъ собраніе. Никто не ожидалъ, чтобы тридцатидвухверстный переходъ по пыльной, песчаной дорогѣ закончился общей зарей.

— Пожалуйста, прорепетируйте пѣсенниковъ, — обращается ко мнѣ командиръ.

— Слушаю, господинъ полковникъ, — отвѣчаю я и иду позвать старшаго пѣсенника.

Къ 8½ часамъ мы уже на мѣстѣ.

Полки выстроились каждый на своемъ бивакѣ. На площадкѣ-же противъ временной квартиры корпуснаго командира собрались только музыканты и пѣсенники. Безъ четверти въ девять часовъ барабанщики пробили «повѣстку», а ровно въ девять совмѣстно съ оркестрами «Зорю» и «Коль славенъ». Затѣмъ раздалась команда «на молитву» и всѣ полки тягуче запѣли «Отче нашъ».

Вечеръ великолѣпный.

На свѣтломъ, прозрачномъ небѣ не видно ни одной звѣздочки. На западѣ еще догораетъ красная, усталая заря, но уже чувствуется близость ночи. Она гдѣ-то здѣсь, недалеко скрывается въ темныхъ уголкахъ и точно чего-то ждетъ, боится. Надвигающіяся сумерки приблизили и расширили отдаленные предметы. Расплываются строгія контуры, теряются опредѣленныя очертанія, набѣгаютъ новыя, загадочныя формы. Откуда-то налетаетъ тонкій, ласкающій ароматъ. Засыпаетъ день. Природа упорно молчитъ, точно боится испугать подкрадывающуюся ночь.

Тихо-тихо, ни одинъ звукъ не тревожитъ засыпающаго дня. Только мы дерзко нарушаемъ его покой. Тягучіе аккорды молитвы рѣжутъ вечернюю тишину, подхватываются чуткимъ эхомъ и убѣгаютъ куда-то далеко-далеко.

— «И Твое-е сохраня-ая Крестомъ Тво-имъ жи-ительство-о-о»... — поетъ полкъ.

Послѣднее слово тянется медленно, долго и мягко умираетъ гдѣ-то тамъ, въ далекомъ сонномъ полѣ.

Молитва кончена. Торжественная тишина тотчасъ-же нарушается какимъ-то смѣшаннымъ, неяснымъ говоромъ. Тысячи голосовъ сливаются въ одинъ гулъ. Точно огромная, невидимая туча пчелъ гдѣ-то здѣсь усѣлась вблизи и громко, непрерывно жужжитъ.

V.

Въ палаткѣ, разбитой предъ отведеннымъ для корпуснаго командира домикѣ, сервированъ чай. Боковыя полотнища приподняты,—виденъ длинный, покрытый бѣлой скатертью столъ. Утопая въ морѣ цвѣтовъ, высятся огромныя бронзовыя канделябры. Пламя свѣчей игриво переливается въ блестящемъ хрусталѣ стакановъ и вазъ, нѣжно ласкаетъ красивые, сочные фрукты и, выбѣгая изъ палатки, останавливается на мѣдныхъ трубахъ музыкантовъ.

За столомъ цѣлый рядъ разнообразныхъ формъ. Иностранные атташе и агенты пріѣхали знакомиться съ бытомъ нашихъ войскъ и пользуются гостепріимствомъ корпуснаго командира. Слышна изящная французская рѣчь, привѣтственные тосты, звонъ рюмокъ и бокаловъ. Служителя въ чистыхъ бѣлыхъ рубахахъ торопливо снуютъ по собранію и пополняютъ пустые бокалы.

Гостямъ не даютъ скучать. Пѣсенники чередуются съ оркестромъ. Не успѣли еще разбѣжаться послѣдніе звуки «Карменъ», какъ мой запѣвало, здоровеннѣйшій тульчакъ Артемьевъ, увѣренно вышелъ впередъ и, приподнявъ правую руку, мощнымъ, красивымъ баритономъ затянулъ «Лучину».

Ни утомительный переходъ, ни ѣдкая, удушливая пыль не отразились на его пѣньѣ. Гибкій, сочный голосъ привольно и смѣло катится въ пространство. Тоскливый, мелодичный напѣвъ невольно купаетъ душу въ морѣ какихъ-то сладкихъ, баюкающихъ грезъ. Чѣмъ-то знакомымъ и близкимъ вѣетъ отъ этой старинной, безхитростной пѣсни. Просыпается теплое, нѣжное чувство. Рисуются забытыя, грустныя картины. Мысли мечтательно убѣгаютъ въ даль.

Всѣхъ зацѣпила пѣсня. Смолкъ дерзкій звонъ бокаловъ. Гости обернулись въ сторону Артемьева.

А онъ вдругъ неожиданно круто оборвалъ тягучій, меланхоличный мотивъ и, энергично встряхнувъ головой, быстро и весело пропѣлъ:

— «Жила была курочка, черный хохоло-окъ!»

— «Гдѣ любезная моя? Нѣтъ ея! Нѣтъ ея!..» — подхватилъ привычный хоръ и широкій, разухабистый напѣвъ разомъ стеръ грустныя картины и смѣло сорвалъ набѣжавшую тоску.

— Плясуны, впередъ!—скомандовалъ корпусный.

Хоръ мгновенно разступился; на средину выскочили двое низкорослыхъ солдатиковъ и, лихо подбоченясь, пустились въ присядку.

Русскій солдатъ не знаетъ усталости. Забористая плясовая да приказаніе начальства въ любой моментъ развяжутъ его отекшія ноги. Хоръ надсаживается; бубенъ задорно гудитъ; веселый треугольникъ, точно почтовый колокольчикъ, шаловливо разсыпается звонкою, мелкою трелью, а плясуны творятъ что-то невозможное, вакхическое.

— Спасибо, молодцы! — останавливаетъ, наконецъ, ихъ корпусный.

— Рады стараться, ваше сіятельство!—громко и радостно отчеканиваютъ мгновенно застывшіе въ строго-почтительной позѣ плясуны.

— Снова заигралъ оркестръ. Въ палаткѣ замѣтно оживились. Лихая плясовая не прошла безслѣдно. Чаще слышатся тосты, чаще звенятъ бокалы. Служителя едва успѣваютъ пополнять ихъ. Сдерживаемая вначалѣ натянутость переливается въ свободную непринужденность. Забыть строгій этикетъ. Забыта обособленность государствъ. Русское «ура» дружно обнимается съ чужестраннымъ «hoch» и «viv». Веселая пѣсня и вкусное, искрящееся вино сблизило всѣхъ. Время незамѣтно катится впередъ.

Но вотъ гости стали прощаться. Черная ночь уже давно безшумно подкралась и стерла послѣдніе остатки зари. Пора расходиться.

Пѣсенниковъ и музыкантовъ отпустили домой.

Тихо стало въ Приморьѣ. Теперь ужъ ничто не дерзаетъ бороздить усталое молчаніе природы. Чуткая ночь, словно ревнивая любовница, заботливо сторожитъ сонную тишину и жадно давитъ малѣйшій шорохъ и шумъ. Небо слилось съ землею.

Гдѣ-то высоко-высоко задрожали тихія звѣзды.

Крѣпко спитъ утомившійся день. Крѣпко спитъ усталый бивакъ.

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Я. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

IV.

ОЛОЖИ полковнику, что я хотѣлъ-бы его видѣть,—сказалъ Иванъ Петровичъ вѣстовому.

Вѣстовой ушелъ и вскорѣ вернулся.

— Пожалуйте, ваше благородіе.

Сердце Ивана Петровича сильно билось, когда онъ переступилъ порогъ командирскаго кабинета.

Полковникъ сидѣлъ за большимъ столомъ и разглядывалъ какія-то бумаги.

Онъ былъ въ тужуркѣ и курилъ толстую папиросу. Лицо его было хмурое, не то заспанное, не то сердитое.

Иванъ Петровичъ упрекалъ себя въ томъ, что допустилъ Матвѣя Семеновича идти съ нимъ такъ долго и завязать такой длинный и ненужный разговоръ.

Вслѣдствіе этого Иванъ Петровичъ не успѣлъ уйти въ себя, сосредоточиться, обдумать тѣ слова, которыя онъ долженъ былъ сказать командиру.

Прежде чѣмъ вести съ кѣмъ-нибудь серьезный, дѣловой разговоръ, Иванъ Петровичъ любилъ мысленно представить себѣ весь діалогъ цѣликомъ, съ возможными возраженіями собесѣдника и съ отвѣтами на эти возраженія.

Но Матвѣй Семеновичъ ему помѣшалъ и теперь онъ чувствовалъ себя странно, какъ человѣкъ, вышедшій изъ дому на большую дорогу и не знающій, до какого пункта ему идти и какъ соразмѣрить свои силы, чтобы успѣть дойти до извѣстнаго пункта.

— Здравствуйте, Кедринскій, — сказалъ ему командиръ, протягивая черезъ столъ руку, —садитесь. Вы ко мнѣ?

— Такъ точно, полковникъ,—сказалъ Иванъ Петровичъ и тотчасъ-же хотѣлъ приступить къ дѣлу.

У него было такое ощущеніе, словно онъ рѣшился, зажмуривъ глаза броситься въ холодную воду.

Но полковникъ не далъ ему времени продолжать и самъ сказалъ, постукивая пальцами по бумагѣ:

— Да-съ! Съ такимъ начальникомъ дивизіи служить нельзя! Я, право, подумаю, подумаю, да что-нибудь сдѣлаю...

Ивану Петровичу это было неинтересно. Командиръ сразу не сошелся съ новымъ начальникомъ дивизіи, старымъ генераломъ, который мнилъ о себѣ, какъ объ удивительномъ новаторѣ, и задумалъ непремѣнно ввести новые порядки въ дивизіи.

Генералъ былъ педантъ такого узкаго, тяжелаго типа, который всегда угнетаетъ подчиненныхъ и мало приноситъ пользы дѣлу; педантизмъ генерала обрушивался на формальности и внѣшности и засушивалъ всякій живой порывъ, живую инціативу, духъ ввѣренныхъ ему частей. Кромѣ того, генералъ былъ когда-то командиромъ сосѣдняго архангельскаго полка, входившаго теперь въ его дивизію, и ставилъ этотъ полкъ въ образецъ всѣмъ командирамъ полковъ, подчиненнымъ ему. Это обижало командировъ полковъ и сеяло ненависть между архангельскимъ полкомъ и другими полками.

Особенно острыя отношенія установились у начальника дивизіи къ Николаю Сергѣевичу и объ этомъ всѣ знали, всѣ этимъ интересовались въ первое время, какъ пикантной новинкой въ скучномъ захолустьѣ, и, наконецъ, перестали интересоваться, потому что это очень надоѣло всѣмъ своимъ однообразіемъ.

Иванъ Петровичъ сочувственно помигалъ глазами и сдѣлалъ соболѣзнующее лицо. Но онъ ничего не сказалъ, потому, во-первыхъ, что не зналъ, какую новую пакость сдѣлалъ начальникъ дивизіи по отношенію къ командиру, а во-вторыхъ, потому, что ему было не до того.

— Да-съ!—продолжалъ Николай Сергѣевичъ. Вѣдь, я—человѣкъ? — и сдѣлалъ большую паузу, ожидая отвѣта, словно этотъ отвѣтъ ему былъ нуженъ для собственнаго спокойствія и убѣжденія.

Но Иванъ Петровичъ молчалъ.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю: человѣкъ я?

— Само собой...—неопредѣленно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Да-съ... такъ долженъ я спать, ѣсть, гулять, наконецъ, играть въ карты? Или я долженъ только служить и не выходить изъ казармы въ теченіе двадцати четырехъ часовъ?

Иванъ Петровичъ молчалъ.

— Гм? — вопросительно крякнулъ Николай Сергѣевичъ.

— Конечно, — неохотно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Такъ вотъ-съ. А этотъ милый генералъ Обровскій воображаетъ, что ничего этого не нужно.

— Опять что-нибудь вышло? — стараясь изобразить сочувствіе въ голосѣ, спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Конечно, вышло-съ! Когда-же съ нимъ чего-нибудь не выходило? Я вчера засидѣлся въ клубѣ; я думаю, это позволительно послѣ дня труда—засидѣться въ клубѣ... гм?

— Я тоже такъ думаю.

— Ну-съ, возвращаюсь пѣшкомъ... ночь была очень хорошая, — конфузливо прибавилъ Николай Сергѣевичъ.

Но Иванъ Петровичъ подумалъ:

„И это знаю. Провожалъ „прекрасную Елену“...

Такъ звали въ городѣ красивую жену жандармскаго полковника.

Николай Сергѣевичъ былъ влюбленъ въ эту даму и всѣ въ городѣ это знали. Не знала объ этомъ, кажется, только жена самого Николая Сергѣевича, Капитолина Петровна. Что касается самого жандармскаго полковника, то онъ если не зналъ объ этомъ, то, во всякомъ случаѣ, не могъ не догадываться, но почему-то дѣлалъ видъ, что ему это даже очень пріятно.

Николай Сергѣевичъ имѣлъ способность быть влюбленнымъ, „какъ гимназистъ“, просиживать вечера съ дамой сердца, провожать ее до подъѣзда, вздыхать при лунѣ и чувствовать себя разбитымъ въ тотъ день, когда почему-либо не удалось свиданіе съ „предметомъ“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все это дѣлалось такъ, чтобы никто ничего не могъ подозрѣвать. Николай Сергѣевичъ встрѣчался съ „прекрасной Еленой“ только у себя дома, у нея въ домѣ и въ клубѣ. На глазахъ у людей говорилъ съ ней о самыхъ обыденныхъ предметахъ и самымъ спокойнымъ тономъ, а въ клубѣ никогда даже не садился за одинъ столъ играть съ ней или ужинать. Такъ что, въ сущности, рѣшительно никто не имѣлъ основанія знать о его чувствахъ къ этой дамѣ; но всѣ знали. Такъ ужъ устроенъ русскій провинціальный городъ, что всѣ въ немъ знаютъ обо всѣхъ.

— Такъ вотъ возвращаемся мы... то есть, воз-

вращаюсь я и иду мимо конюшни третьяго эскадрона. Свѣтъ изъ дверей. Дай, думаю, на всякій случай, зайду. Захожу.

— И тамъ—начальникъ дивизіи?

— Именно-съ. Что онъ безсонницей страдаетъ, что-ли? Вѣдь, это каждую ночь-съ! Позвольте-же! Ежели онъ страдаетъ безсонницей, то я спать хочу-съ! „Скажите, полковникъ,—это онъ мнѣ,—у васъ всегда такіе порядки въ полку?“ — „Какіе?“ — „Да такіе, что въ фонарѣ догораетъ огарокъ, а дневальный по конюшнѣ спитъ. Въ архангельскомъ полку, которымъ я командовалъ, я завелъ совершенно иные порядки и эти порядки оказались настолько раціональными, что держатся до сихъ поръ. Я вамъ рекомендовалъ-бы взять примѣръ съ этого полка“. Чувствуете? Опять его полкъ! „Какіе-же порядки, ваше превосходительство?—спрашиваю. „А такіе,—говоритъ,—что свѣчки выдавались въ фонари цѣльныя, четверикъ, а потомъ даже каретныя, толстыя... такія свѣчи выгоднѣе брать у желѣзнодорожнаго кондуктора. Они экономятъ и продаютъ ихъ негласно. Обходится дешевле и экономическія суммы полка не страдаютъ. Такой свѣчи хватитъ на двѣ ночи, натурально, если дневальный не будетъ спать, а во-время, съ наступленіемъ разсвѣта, погаситъ ее. Кромѣ того, дневальнаго я ставилъ не внутри конюшни, а снаружи, у дверей: меньше шансовъ задремать на холоду, да и видиѣе для дежурнаго по полку... если только у васъ дежурный по полку когда-нибудь безпокоитъ себя и обходитъ полковое помѣщеніе... Но, судя по тому, что я ни раза еще не встрѣтилъ васъ ночью въ казармахъ, я думаю, полковникъ, что и ваши офицеры берутъ въ этомъ отношеніи примѣръ съ васъ“. Чувствуете?—обратился Николай Сергѣевичъ къ Ивану Петровичу.

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Знаете, что я ему отвѣтилъ?

— Не знаю, полковникъ.

— Я очень обозлился на этотъ разъ. И говорю ему: „Зачѣмъ-же, ваше превосходительство, я буду себя безпокоить ночью, когда вы за меня безпокоитесь? Ежели часть ночи буду ходить я, другую часть—вы, третью—дежурный по полку, а четвертую—вахмистръ, такъ позвольте, когда-же люди будутъ спать?“.

Ивану Петровичу было не до этихъ полковыхъ исторій. Его гвоздила одна мысль, одна мечта—поскорѣе изложить командиру свое дѣло. Но онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— А? Гм?..—радостно промычалъ полковникъ, требуя сочувствія.

— Да... это ловко. Что-же онъ сказалъ?

— А онъ говоритъ: „Удивляюсь, полковникъ, такому легкомысленному отношенію къ своимъ прямымъ обязанностямъ и такому игривому тону“. Ну, а затѣмъ обычное: „когда я командовалъ архангельскимъ полкомъ“ и прочее...

Полковникъ вдругъ выхватилъ изо рта папиросу, которую онъ докурилъ въ увлеченіи до ваты и которая стала распространять запахъ непріятной гари, и бросилъ ее въ пепельницу. Потомъ неудержимо, катарральио раскашлялся и для облегченія кашля постучалъ ладонью по столу.

На этотъ кашель вбѣжала въ капотѣ цвѣта заходящаго солнца молодящаяся жена Николая Сергѣевича, Капитолина Петровна, и стала дѣлать ему выговоръ:

— Nicolas, это невозможно! Помилуй, ты кашляешь, какъ изъ бочки! Здравствуйте, Кедринскій! Извините, я въ капотѣ. Но я испугалась. Вы помѣшали-бы ему курить. Nicolas, вѣдь, нашъ полковой докторъ запретилъ тебѣ курить! Долго-ли до припадка? Вы у насъ завтракаете?

Иванъ Петровичъ всталъ при ея приходѣ, пододвинулъ ей кресло, но она, не дожидаясь его отвѣта, такъ-же вихремъ умчалась, какъ ворвалась въ кабинетъ и затѣмъ прислала съ вѣстовымъ сахарной воды.

Припадокъ кашля прошелъ и Николай Сергѣевичъ красный, какъ кумачъ, съ оттопыренными бѣлокурыми усами и вытаращенными голубоватыми глазами смотрѣлъ на Ивана Петровича, точно только что былъ призванъ къ земному бытію.

— Вотъ,—окончательно оправившись, проговорилъ Николай Сергѣевичъ, указывая на лежавшую предъ нимъ бумагу,—результатъ—приказалъ по дивизіи: усмотрѣно мною то-то и то-то. А въ общемъ—одна глупость! Служи въ такой дивизіи! Начальникъ дивизіи—придира и педантъ, корпусный—глухъ, какъ застѣнокъ... Вы давно не видали Елены Ѳедоровны? — неожиданно спросилъ онъ.

— Давно... Я нигдѣ почти не бываю,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ въ расчетѣ, что послѣдуетъ вопросъ: „почему“?, и тогда онъ получитъ, наконецъ, возможность высказать свое дѣло.

Но вопроса не послѣдовало.

— И Семена Семеновича не видали?

— Мужа ея? Нѣтъ, тоже не видалъ.

— А ничего не слыхали?

— По поводу чего, полковникъ?

— Будто ихъ переводятъ изъ нашего города въ Воронежъ? Удивляюсь, какъ можно давать повышеніе такимъ людямъ, какъ Семенъ Семеновичъ? Гм?

Иванъ Петровичъ долженъ былъ дать сочувственный отвѣтъ.

— Да, дѣйствительно. Онъ, кажется, съ неба звѣздъ не хватаетъ.

— Куда! И глуповатъ, и грубоватъ. А вотъ двигаютъ по службѣ. Жена у него очень красивая. Я тоже переведусь,—внезапно прибавилъ онъ.

— Вы?

— Да. Я не могу служить съ этимъ Обровскимъ. Служба службой, но у всякаго человѣка есть и другія потребности. Однако, голубчикъ, вы меня совершенно заболтали, а у меня есть дѣло. Останетесь завтракать? Такъ пройдите къ женѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, ничуть не изумленный упрекомъ въ томъ, что онъ заболталъ будто-бы Николая Сергѣевича, когда онъ ело могъ вставить два-три слова, необходимыхъ для репликъ.

Но такова уже была манера у командира, съ которой приходилось считаться.

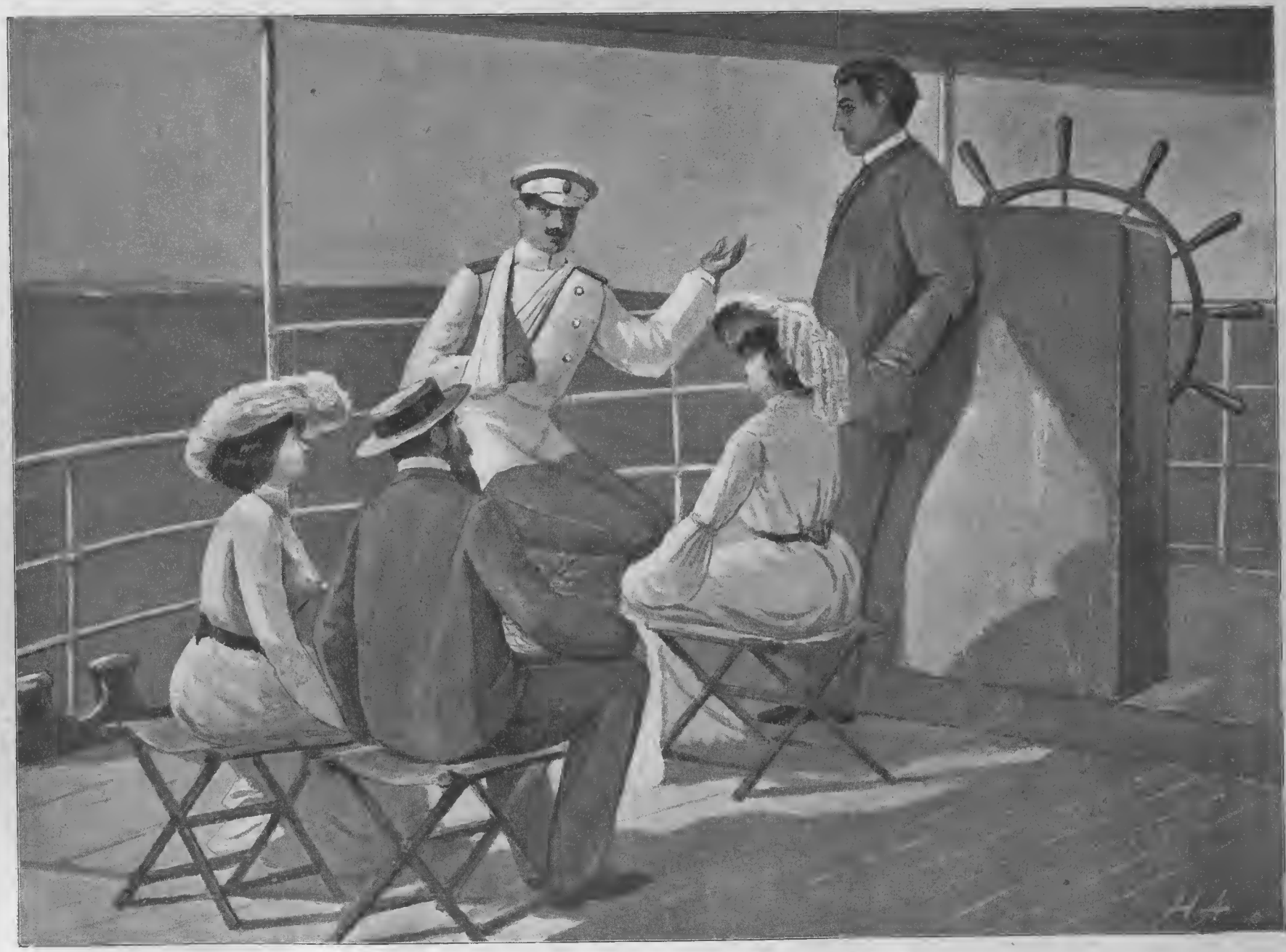
— Полковникъ!—воскликнулъ онъ,—я пришелъ къ вамъ по дѣлу... по личному дѣлу. Благоволите выслушать меня.

— А? По дѣлу? Такъ, дорогой мой Кедринскій, что-же вы до сихъ поръ молчали о дѣлѣ, а болтали Богъ вѣсть о чемъ? Ну, въ чемъ ваше дѣло?..

Николай Сергѣевичъ однимъ глазомъ углубился въ бумагу, а другимъ въ пространство. Видимо, ему стало вдругъ скучно, какъ всегда становилось, когда приходилось слушать, а не говорить.

„Вотъ оно!—подумалъ Иванъ Петровичъ и сердце его вдругъ замерло, а потомъ заколотилось.—Настало! Что изъ этого выйдетъ?!“

Онъ было малодушно подумалъ отложить свое дѣло, но потомъ взялъ себя въ руки.



РАЗСКАЗЫ О ВОЙНѢ. Оригин. рисун. **Н. Адамовича.**

— Что-же? Вѣрно, денегъ надо? Такъ обратитесь къ казначею. Ежели немного—я разрѣшу. Много—не могу. Обровскій того и гляди нагрянетъ и начнетъ пилить: молъ, офицеры живутъ не по средствамъ, а я „не вхожу“ и потакаю... ну, и прочее, въ его стилѣ. Нѣтъ, нѣтъ!—замахалъ онъ руками,—и не просите много. Я не разрѣшу все равно! Такъ, пустячекъ, отчего-же, до двадцатаго. А много нужно?

— Да я вовсе не денегъ хочу просить,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ, то краснѣя, то блѣднѣя отъ нетерпѣнія и невозможности высказать свое дѣло.

— Ахъ, Боже мой, голубчикъ! Такъ что-же вы мямлите? Столько времени сидите, а все не можете сказать... Знаете, это мнѣ напоминаетъ нашего преподавателя артиллеріи въ училищѣ. Онъ входилъ въ классъ и начиналъ самымъ мирнымъ образомъ говорить о траекторіи, деривації, я ужъ не помню, но потомъ, замѣтивъ пыль на каѳедрѣ, начиналъ разносить дежурнаго юнкера и распространялся о значеніи пыли въ воздухѣ; только къ концу лекціи онъ вспоминалъ о деривації, но уже было поздно. Такъ мы толкомъ и не узнали, что такое деривація. Я не скажу, вы—очень пріятный собесѣдникъ, Кедринскій, и я очень люблю слушать васъ... но...

„Ахъ, чтобъ тебя чертъ взялъ, несносный болтунъ! — подумалъ съ искреннимъ порывомъ досады Иванъ Петровичъ. — Да я еще не успѣлъ и слово сказать“...

— Но,—продолжалъ полковникъ.—Но est modus in rebus*)... я, вѣдь, когда-то въ классической гимназіи эту премудрость изучалъ. У насъ въ гимназіи былъ грекъ, который, собственно, былъ чехомъ... Нужно вамъ сказать...

Но Иванъ Петровичъ пришелъ уже въ отчаяніе. Боясь, что сму такъ и не удастся высказаться, онъ пренебрегъ всякими дисциплинарными традиціями и быстро, не давая разгорѣться классическимъ воспоминаніямъ Николая Сергѣевича, прервалъ его.

— Полковникъ!—взмолился онъ, стараясь быстро выговаривать слова,—я пришелъ просить васъ разрѣшенія жениться.

Николай Сергѣевичъ только что поднялъ руку, собираясь разсказать во всѣхъ подробностяхъ о классическомъ „грекѣ“, который былъ чехомъ, но, услыхавъ слова Ивана Петровича, недоумѣвающе помахалъ въ воздухѣ рукой и опустилъ ее на столъ.

— Жениться?— переспросилъ онъ.— Вы хотите жениться?

— Да, я...

Николай Сергѣевичъ не сразу нашелся.

— Это на васъ не похоже,—сказалъ онъ.— Вы—такой серьезный офицеръ... Жениться могутъ только легкомысленные люди...

— Но позвольте...

— Зачѣмъ вы хотите жениться? Не лучше-ли быть свободнымъ? Я не поощряю офицерскихъ браковъ, въ особенности въ молодомъ возрастѣ.— Онъ замахалъ руками.—Я знаю, вы хотите сказать, что вотъ, молъ, я самъ женатъ. Но потому-то я и говорю...

Онъ вдругъ спохватился и замолчалъ.

Иванъ Петровичъ воспользовался этой паузой.

— Полковникъ,— сказалъ онъ серьезно,— я рѣшилъ жениться, потому что полюбилъ дѣвушку, которая и меня любитъ. Я, именно, потому и хочу жениться, что я — человѣкъ серьезный, какъ вы меня изволили аттестовать. Офицеръ—такой-же человѣкъ, какъ и всякій другой, и имѣетъ право, кромѣ служебной жизни, имѣть еще и свою личную жизнь. Вы только что осуждали генерала Обровскаго за то, что онъ не признаетъ за офицерами ничего, кромѣ службы, но вы—не Обровскій?

(Продолженіе будетъ.)

*) Т. е., есть порядокъ въ вещахъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Жертва хунхузовъ. (Къ рис. на стр. 1057.) Хунхузскія разбойничьи шайки рыскаютъ по всей Манчжуріи. Трусливые предъ силой, хунхузы безнаказанно убиваютъ солдатъ, посылаемыхъ съ какимъ-нибудь порученіемъ,—убиваютъ не въ честномъ бою, а изъ-за угла, т. е., спрятавшись или въ кусты, или за пригоркомъ сопки, которыхъ такъ много на театрѣ военныхъ дѣйствій. Надругавшись надъ трупомъ, они оставляютъ его подъ палящими лучами солнца. Рѣдко-рѣдко находятъ эти трупы товарищи по полку, но если найдутъ, то непремѣнно зароютъ, и будетъ мирно покоиться сѣрый богатырь въ чуждой ему землѣ, вдалекѣ отъ родныхъ и своей родины.

Сонъ. (Къ рис. на стр. 1063.) Умереть—уснуть. Уснуть долгимъ непробуднымъ сномъ, стряхнувъ съ себя всѣ житейскія невзгоды, забыть всѣ жизненныя печали, отдохнуть послѣ всѣхъ треволненій, которыхъ такъ много на землѣ. Умереть—усвуть. Уснуть подъ мраморнымъ саркофагомъ, на которомъ, какъ откликъ жизни, лежатъ вѣтки иммортели, послѣдняя связь между тихимъ могильнымъ, вѣчнымъ сномъ и суетною жизнью, между отошедшимъ въ вѣчность человѣкомъ и постоянно нарождающеюся новой жизнью. Жизнь есть сонъ, но и умереть не значитъ-ли уснуть?

Швейка. (Къ рис. на стр. 1065.) Солнце только что встало, брызнуло своими лучами на землю, позолотило изумрудную зелень и ласково заглядываетъ сквозь широкое окно на швею, которая встала вмѣстѣ съ лучезарнымъ свѣтиломъ и уже сидитъ за работой. Быстро мелькаетъ игла въ рукахъ швеи, и ея работа скоро будетъ кончена. Работа будетъ кончева, но отдыха для швеи нѣтъ. Вслѣдъ за конченной работой она возьметъ новую и снова будетъ шить, шить безъ конца, пока свѣтитъ солнце и пока его багряные лучи не скроются за горою, которая видна изъ окна и на которой такъ таинственно шумитъ темный боръ, пока весь облитый золотистыми лучами яркаго солнца.

Вечеръ. (Къ рис. на 1071.) Солнце сѣло. Темныя сумерки спустились надъ землей и словно пологомъ окутали и лѣсъ, и дорогу, и видвѣющійся вдалекѣ соборъ. Вечеръ тихъ, только стрекозы безъ умолка трещатъ среди зеленой травы сада. Тихо и спокойно выплываетъ на небо луна и, проницывая своимъ лучемъ облака, серебритъ садовую зелень. А кругомъ тишина, отовсюду вѣетъ покоемъ наступающей ночи съ ея таинственными снами.

Въ дождливый день. (Къ рис. на стр. 1073.) Скучно. Еще съ вечера хмурилось небо, а ночью пошелъ дождь и вотъ теперь наступилъ день, а дождь все льетъ и льетъ. Немощеныя деревенскія улицы залиты водой и обратились въ жидкую грязь, солома, которою покрыта хата, отъ дождя приняла сѣрый, скучный видъ, да и сама хата отъ дождя стала сѣрой. А дождь льетъ и льетъ. Кругомъ жуть и непріятное, тоскливое чувство тревожитъ сердце человѣка.

Разсказы о войнѣ. (Къ рис. на стр. 1081.) Онъ возвращается съ далекаго Востока, возвращается раненый, видавшій тѣ кровавые бои, которые происходили у Ляояна, Мукдена и другихъ городовъ. Онъ видѣлъ, какъ падали отъ штыковъ люди, какъ рвалась шрапнель, свистѣли бомбы, вырывая цѣлые ряды героевъ, беззавѣтно защищавшихъ свои позиціи. Онъ, офицеръ, водившій свои роты въ бой, видѣлъ предъ своими глазами смерть, которая витала надъ его головой. Но смерть пощадила его и лишь шальная пуля перебила ему руку. Огнемъ горятъ глаза офицера при разсказахъ о войнѣ, а слушатели, затаивъ дыханіе, жадно ловятъ слова разсказчика, пережившаго всѣ тѣ волненія, которыя воодушевляли наши войска во время неравныхъ боевъ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

СОДЕРЖАНІЕ № 34-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“**: **Жертва войны.** Стих. Ив. Епифанова.—**Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.)—**На жизненномъ пути.** Стих. Н. Голубцова.—**На маневрахъ.** Этюдъ Петра Агриппинина.—**Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.)—**Описаніе рисунковъ.**—**РИСУНКИ:** Жертва хунхузовъ. Ориг. рис. А. Шлипера-сына.—Сонъ. Скульптура Г. Даммана.—Швейка. Фотоэтюдъ А. Энке.—Вечеръ. Съ картины М. А. Беркоса.—Въ дождливый день. Съ картины В. И. Зарубина.—Разсказы о войнѣ. Ориг. рис. Н. Адамовича.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Отчего я не женился. Изъ признаній Апулея.—Забылъ. (1 рис.)—Чихнулъ. (4 рис.)—Прежде и теперь. Стих. Фаланги.—Опытная. (1 рис.)—Медовый мѣсяцъ. (1 рис.)—Мозаика.—Магическій крестъ № 7.—Географическая задача № 26.—Магическій квадратъ № 12.—Шарада № 29.—Перестановка буквъ № 36.—Створчатая задача № 28.—Магическій угольникъ № 6.—Энстихозъ № 6.—Магическая фигура № 12.—Логогрифъ № 46.—Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 32.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Главнокомандующій на позиціяхъ (Съ 1 рис.)—Нападеніе хунхузовъ на желѣзную дорогу. (Съ 1 рис.)—Владивостокъ. (Съ 1 рис.)—Перевозка раненыхъ по манчжурскимъ дорогамъ. (Съ 1 рис.)—На Портсмутской конференціи. (Съ 4 рис. и портр.)—Крещеніе новорожденнаго принца Джона Уэльскаго. (Съ 1 рис.)—Императоръ Вильгельмъ и король Христіанъ. (Съ 1 рис.)—Жара въ Нью-Іоркѣ. (Съ 1 рис.) Всемірная хроника.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Популярно-научная и литературная библіотека „Родины“

„ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“ 1905 г. Книга 8-я.

ГИГІЕНИЧНО, экономично и пріятно. Машинки для стрижки бороды въ 2 р. 50 к., 3 р., 4 р. и 4 руб. 75 коп.

Каждый можетъ стричь самъ своихъ дѣтей! Болѣе 15.000.000 шт. въ употреб.

Машинки для стрижки волосъ въ 3 номера каждая, въ 3 р., 3 р. 75 к., 4 р. 25 к. и 5 р. 50 к. высылаетъ налож. платежомъ при полученіи 1 р. задатка оптово-розничный складъ **ЛЕОНАРДИ,** Пассажъ, 53, СПБ. Фирма существуетъ съ 1867 года. 376

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека. Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

ДАРОМЪ

высылаю мою брошюру-прейсъ-курантъ парижскихъ и американскихъ резиновыхъ издѣлій и разныхъ новостей **Ю. Абрамовичъ, Варшава, Кармелитская, 23—18.** 406

ДЛЯ МУЖЧИНЪ и ДАМЪ

иллюстр. прейсъ-курантъ парижск. резин. новост. съ объяснен. высыл. за 7-микоп. марку, въ закр. конв. **З. ЛИЛЬШИЦЪ, Варшава, 2-я контора.** 403

Мозольная жидкость ГОЛЛЕНДЕРЪ.

Мозоли исчезаютъ при употребленіи мозольной жидкости **Голлендеръ,** безъ малѣйшей боли. **ЦѢНА** флак. 35 коп., 2 флак. высылаются почтою за 1 руб. изъ Лабораторіи **І. ГОЛЛЕНДЕРЪ С.-Петербургъ,** Разъѣзжая ул., № 13.

ПРОДАЖА ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСК. МАГАЗИНАХЪ ИМПЕРІИ.

Основан. въ 1886 году, разрѣшенные начальствомъ

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

ПРЕПОДАВАТЕЛЯ БУХГАЛТЕРІИ МОСКОВСКАГО УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА,

Москва, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. Полякова. 407

1-го СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

Бухгалтерія торговая, банковая, фабричная, сельско-хозяйственная, винной монополіи и земскихъ управъ.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 377 ч., всего-же за 19 лѣтъ свыше 4.900 ч.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

НОВОСТЬ.

КРАСКА КУПЧИНСКАГО. Волосы сѣдые получаютъ желаем. цвѣтъ если лично, безъ сторонней помощи, протереть щеточкой жидкостью изъ флакон. № 1, 2 и 3-го; послѣ чего становятся мягкими и не пачкаютъ бѣлья. Окрашивать разъ въ мѣсяцъ. Въ требованіи указывать цвѣтъ волосъ: черный, шатенъ или блондинъ. Цѣна 3 руб., перес. нал. платеж. Ск. П. Виноградовъ, Москва, Рождественка, д. № 2. Продается вездѣ.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ А. И. ЯНСОНА,

СПБ., Демидовъ пер., № 5, для лицъ обоего пола. Предметы: бухгалтерія, коммерческія вычисл., коммерція, отевграфія, чистописаніе, нов. языки. Нач. уч. 1-го сент. Тамъ-же **ТОРГОВАЯ ШКОЛА** для мальчиковъ. Пріемъ отъ 10—12 ч. и отъ 6—7 ч. Подр. усл. высыл. 359

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К° Глицеро-вазелиновое мыло Молодости. МОСКВА. 20 коп. кус.

ВОСТОЧНЫЯ ПИЛЮЛИ

PILULES ORIENTALES

развиваютъ, укрѣпляютъ и возстановляютъ бюстъ, оглаживаютъ выпуклости костей на груди и плечахъ, заполняя углубленія, происходящія отъ худобы, и придаютъ граціозную полноту бюсту.

Флаконъ съ объяснительной брошюрой—3 руб. съ пересылкой.

J. RATIÉ, аптекарь, 5 PASSAGE VERDEAU, Парижъ.

Депо у „Штоль и Шмидтъ“ въ С.-Петербургѣ и во всѣхъ аптекахъ. 409

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ

„ОДОБРИНЪ“

189 только

Михаила ЛЕБЕДЕВА

съ надписью (этикетъ утвержденъ правительствомъ).

Это средство уничтожаетъ въ нѣсколько дней застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Иногородн. высылается съ пер. 2 кор.—1 р. 20 к., 4 кор.—1 р. 90 к., 6 кор.—2 р. 60 к. Глав. скл.: С.-Пбургъ, Горохован, 52, Мих. Лебедевъ.

Гг. подписчиковъ изданій „РОДИНА“, уплатившихъ только **по ЧЕТЫРЕ и по ПЯТИ рублей,**

главная контора имѣетъ честь увѣдомить, что **остальныя деньги,** слѣдуемыя въ доплату за годовой экземпляръ изданій «Родина» (стоющій безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. и съ пересылкой по Россіи 6 р.) имѣютъ **быть уплачены** конторѣ въ **АВГУСТѢ и 1-го СЕНТЯБРЯ** текущаго года. При доплатѣ **необходимо прилагать тотъ адресъ,** который наклеивается на оболочку журнала, а въ случаѣ неимѣнія его, сообщать его подробно письменно, проставляя **цифры тракта и мѣста** (цифры, стоящія на адресѣ справа) и **номеръ** (стоящій на адресѣ слѣва вверху).

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

КОМПАНІИ ЗИНГЕРЪ

Необходимы для домашняго употребленія. Образцовы въ конструкціи и исполненіи. Продаются только въ магазинахъ Компаніи Зингеръ.

Отпускъ машинъ съ платежомъ **отъ 1 рубля въ недѣлю.**

Безплатное обученіе шитью и моднымъ художественнымъ вышивкамъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ! Машины съ высокимъ рукавомъ во всѣхъ нашихъ магазинахъ отъ **25 р.** 1000 соб. магазиновъ!

Магазинная вывѣска. Рисун. утв. Отд. пром. и торг. Мин. Ф.

Правленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 28, собств. домъ.

Фабричное клеймо, кото рымъ снабжены машины.

Вниманію гг. подписчиковъ.
Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

СКРИПКИ

въ 2 р., 3 р., 4 р., 6 р., 8 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже. Смычки въ 50 к. 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

ГИТАРЫ

Съ механическими колками въ 5 р., 6 р. 50 к., 9 р., 12 р., 15 р. и дороже, съ простыми колками въ 2 р. 50 к. и 4 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 р.

БАЛАЛАЙКИ

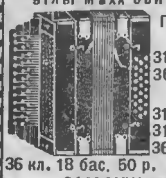
Съ простыми колками въ 1 р. 75 к. 2 р. 75 к., 3 р. 50 к. съ механич. колками 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 15 р. и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 к.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками углы мѣха обиты метал.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ съ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ углы мѣха обиты металломъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 кл. 12 бас. 26 руб.
36 кл. 12 бас. 30 руб.
СТАЛЬНЫЕ голоса
31 кл. 12 бас. 35 руб.
31 кл. 18 бас. 42 руб.
36 кл. 12 бас. 42 руб.
36 кл. 18 бас. 50 р. 36 кл. 24 бас. 65 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

РОЯЛЬНЫЯ съ мѣдными планками ОДНОРЯДНЫЯ

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11, 12, 13 р. 50 к., 15 р.
СТАЛЬНЫЕ голоса
17, 20, 23, и 28 руб.
ДВУХРЯДНЫЯ голоса новаго серебра 20 руб.
Стальные голоса 30 руб.
САМОУЧИТЕЛИ ПО 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
Москва, Срѣтенка.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.

органы

СКЛАДЪ и ФАБРИКА
ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С^ми
С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 218

граммофоны

цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„РОССІЯ“
въ С.-Петербургѣ, учр. въ 1881 г.
Наличные капиталы свыше 56.000.000 р.

Общество заключаетъ страхованія

ЖИЗНИ:
капиталовъ и доходовъ для обезпеченія будущности семьи и старости (застрахованные капиталы къ 1-му января 1905 г: 170.330.000 руб.);

ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ:
коллективныя страхованія рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ и заводахъ, страхованія отдѣльныхъ лицъ, страхованія пассажировъ;

ОТЪ ОГНЯ
движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода;

ТРАНСПОРТОВЪ
морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ и корпусовъ судовъ;

СТЕКОЛЪ и ЗЕРКАЛЪ
всякаго рода и сорта отъ излома и разбитія.

Капиталы вознагражденія,
уплаченныя Обществомъ со времени его учрежденія:
133.441.000 руб.

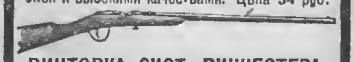
Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи, въ С.-Петербургѣ (Морская, собств. д., № 37), въ Отдѣленіяхъ и Агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи. Страховые билеты по страхованію пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ выдаются также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходныхъ пристаняхъ. 370

НЕСТЛЕ
дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

НАСТОЯЩІЙ
МАЙСКІЙ БАЛЬЗАМЪ.
Въ С.-Петербургѣ, у Обухова моста продолжается продажа, которая переведена напротивъ, въ собственный домъ, Обуховъ мостъ, 111—15, кв. 12, исключительно у Елены Яковлевны Коростовцевой, по мужу гр. Сечени. Высылка налож. плат. Цѣна банки съ пересылкой 1 р. 40 к., 12 бан. —12 р., 6 бан. — 6 р., мал.—50 к., 1 банк.—1 р. 25 к., 10 бан. — 8 р. 95 к. 371

Ружье „ПРИМА“

Новѣйшее двухств. ружье центр. боя, затворъ тройной всемірно извѣстной фабрики оружія въ Герсталь-Льежѣ, стволы стальные, лѣвый чокъ, замки подкладные, кал. 12 и 16. Ружье внѣ конкуренціи, прочное, красивое и съ замѣчательнымъ боемъ—сдѣлано фабрикой на удивленіе охотниковъ, поражающихся его дешевизной и высокими качествами. Цѣна 34 руб.



ВИНТОВКА СИСТ. ВИНЧЕСТЕРА,
кал. 22, замѣчательное оружіе для охоты на крупн. птицу и мелкаго звѣря. Бой феноменальный: на 100 шаговъ пули ложатся въ 1 вершковый кругъ. Цѣна всего 12 руб. Патроны съ бездымн. порохомъ 3 р. за 100 шт.; то же, комнатные, за 250 шт. 1 р. 75 к.
Заказы исполн. наложенн. платежомъ оружейный магазинъ **А. В. ТАРНОПОЛЬСКАГО,**
МОСКВА. Б. ЛУБЯНКА, № 3.

Дозволено цензурою. Спб., 5-го августа 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканировал reduktorer rutracker.org